

22 июня 2006

Дмитрий Хворостовский: Я СЕЙЧАС В РАСЦВЕТЕ ДАРОВАНИЯ

Дмитрий Хворостовский, пожалуй, самый известный и самый любимый российский певец не только в нашей стране, но и за рубежом. После его концертов не бывает разочарованных. О своем творческом пути наш гениальный соотечественник рассказал во время гастролей в Японии в эксклюзивном интервью корр. ИТАР-ТАСС в Токио Алексею Сухорукову.

У Вас последовательный путь становления певца: окончили музыкальную школу, продолжили обучение в педагогическом училище на музыкальном отделении, затем в институте искусств по классу вокала, можно ли сказать, что Ваше будущее было predetermined с детства?

- Это не совсем так, хотя с другой стороны, я согласен, что постепенно двигался к своей мечте. Она возникла достаточно рано, и уже с детства я хотел быть музыкантом или певцом. Иногда валял дурака, но все мои детские годы были достаточно загруженными. С 7 до 14 лет учился в музыкальной школе. Потом, правда, два года "провалындил": гонял в футбол, играл в рок-ансамбле, занимался всякой другой ерундой. Затем в 16 лет папа буквально взял меня за ручку и привел в музыкальное училище. В школе мне дали характеристику, с которой меня не приняли бы и в тюрьму. К тому же, как и многие молодые люди после окончания школы я хотел отдохнуть или поехать на какую-нибудь стройку. Но, слава Богу, мои родители сумели меня не столько переубедить, сколько просто не слушать. Пришли мы в музыкальное училище уже достаточно поздно - экзамены в институты и другие учреждения прошли. Папа, хотя и не профессиональный музыкант, знал к тому времени одного из преподавателей училища, и привел меня, как говорится, по благу. Хотя блага никакого не нужно было. Если ты в штанах, то заходи и поступай, поскольку в то время на все училище было около 0-15 мальчиков, а так как это было хоровое училище, мужские голоса были нужны. Я уже поющим был к тому времени, и меня, конечно, приняли. В принципе, музыкальное образование было у меня приличное: я достаточно хорошо учился и в музыкальной школе, немного с ленцой, но хорошо. Талантлив особенно не был, но задатки были. Буквально с первых уроков почувствовал себя в "своей тарелке", и мне захотелось продолжить образование. Начал делать успехи в пианизме, в дирижировании. И хотя дирижером я был неважным, но у меня очень хорошо получалось наладить контакт с хором. И, естественно, пение, оно выстрелило как бомба, я стал им искренне увлекаться, превратился в абсолютного фанатика и остаюсь им до сих пор. Так что у меня были определенные шатания, как это бывает у всех подростков.

Вы более 15 лет живете за границей, ведете образ жизни гражданина мира. Легко ли быть космополитом?

- В принципе, у меня профессия космополитическая. Артист определенной категории, я имею в виду не артист локального театра или член труппы, а артист "фри-ланс", так называемый свободный художник, должен иметь определенный стиль жизни. Так как нам

приходится работать сегодня здесь, завтра там, соответственно, приходится говорить на разных языках, с языком принимаешь уклад жизни той страны, национальности, с которой ты живешь и работаешь... Сами понимаете...

Как Вы настраиваетесь, готовитесь перед выступлением? Где Вы черпаете вдохновение?

- Естественно, я готовлюсь, но и без рутины не обходится. Пение - это как спорт: надо быть в прекрасной форме, заниматься голосом каждый день. Вырабатываются свои привычки. Перед серьезными сольными концертами нервозность, безусловно, повышается, и страдают окружающие люди, в том числе самые близкие и родные. В принципе, я демократичен, но бывает, что закрываюсь, не вижусь и не разговариваю ни с кем, когда бывает что-то очень ответственное. От этого волнения сгорает очень много нервной энергии, но, как правило, все это только к лучшему. Когда переживаешь, не спишь, словно вымучивается что-то, и концерт получается лучше. Но когда не вымучивается, тоже бывает так, что получается неплохо.

Бесспорно, во время выступления идет колоссальная затрата эмоций, физических сил. К тому же Ваш график расписан на несколько лет вперед. Как Вы отдыхаете, что любите делать в свободное время?

- Пока идут гастроли, между спектаклями и концертами у меня есть определенное время, как правило, минимум два дня отдыха, а за это время можно многое сделать. Чтобы восстановиться, нужно поспать, отвлечься на что-нибудь другое, плавание, например. В свободное время я люблю гулять, встречаться с друзьями. Знаете, я практически уже не приезжаю в новые страны, как правило, у меня везде уже есть друзья или знакомые, с которыми я могу встречаться. Иногда просто занимаюсь собой, читаю, сижу за компьютером, слушаю музыку, сейчас смотрю футбол.

В Ваш адрес как из рога изобилия сыплются похвалы. Когда Вами восхищаются, называют звездой мировой величины, Вам это льстит, или уже привыкли?

- Просто я сейчас нахожусь в расцвете сил, дарования. Поэтому такие хорошие отзывы. Но так не всегда было. К этому я стремился все эти годы, преодолевал трудности. Что-то не получалось, и критика была, но я не менял своего направления и продолжал работать над собой. Показательный пример. Вчера после концерта ко мне подошел Пласидо, с которым мы давно друг друга знаем, и говорит: "Я всегда любил и уважал твой голос и тебя, как певца. Раньше, - в 1994 году мы впервые вместе работали, - у тебя голос хотя и звучал прекрасно, но высокие ноты были несколько "закинута" назад, грубо говоря, не были благозвучны. А сейчас у тебя голос - такой инструмент, что тебе практически все подвластно. Я тебя поздравляю. Не знаю, занимаешься ты с кем-то или сам, но все было потрясающе". Наговорил мне комплиментов, и я был рад это услышать, потому что, в принципе, всего этого достиг сам: ни с кем я не занимаюсь. Поэтому такие слова очень приятны, особенно от Пласидо.

Естественно, я помню критицизм, что Хворостовский неправильно поет, что он такой-сякой. Все, что я делал, я делал постепенно, и не сделал тех ошибок, которые допустили многие мои коллеги, когда они начали тянуть предлагаемый репертуар слишком рано. Я голос свой воспитал, голос вырос вместе со мной, поэтому сейчас я могу петь то, что я

хочу. Захотел спеть, к примеру, "Риголетто", и спел. Захочу я спеть Вагнера - буду петь Вагнера. Захочу петь Бориса Годунова, я тоже знаю, что спою его рано или поздно, хотя мало кто из баритонов его поет. Это говорит о том, что я на правильном пути, а что может быть лучше и приятнее для артиста, да и для любого человека, когда на протяжении стольких лет самостоятельно идешь в выбранном направлении и имеешь такой результат. А вообще без роста нельзя. Когда его нет, когда "драйва" нет, тогда нужно остановиться, поискать другую профессию или другое дело для себя. Без этого нельзя. А с приобретенным опытом растут возможности и интереснее становится жить.

Финансовая сторона профессии Вас интересует?

- Интересует, конечно, у меня большая семья, ее кормить надо.

Вас называют рекордсменом по отказам среди ведущих певцов...

- Не задумывался об этом. В принципе, может быть, я был рекордсменом. Я вынужден был отказываться от каких-то непосильных предложений, потому что знал, что это может поколебать или мое вокальное здоровье, или мое положение. Я и сейчас продолжаю отказываться от таких предложений.

Чем Вы руководствуетесь, когда решаете, подписывать контракт или нет?

- Я чувствую, я знаю. Вы знаете, я уже кое-что знаю (улыбается). Но и чувствую тоже хорошо.

А как Вы выбираете Ваш репертуар? - Каждый год я пытаюсь хоть на полкирпича, но продвинуться вперед. И считаю, что это нормально, потому что карьера у меня еще будет длинная. С одной стороны, слишком пыжиться нельзя, но и напрягать себя нужно обязательно, нужно расширять свой творческий диапазон и возможности. Потом я считаю, что каждый творческий человек должен удивлять людей, которые следят за ним. Поэтому определенные репертуарные прыжки должны быть обязательно.

В Вашем сольном концерте, который Вы привезли в Токио все очень логично: от смерти к жизни, от "Смерти" Чайковского в начале выступления к "Весенние воды" Рахманинова в конце концерта. Очень четко прослеживается концептуальная линия. Это ведь неслучайно?

- Да, это неслучайно. Я, как правило, строю свои программы по принципу театрализации. Это как "one man show" - театр одного актера. Хотя, с другой стороны, берешь какие-то романсы, бросаешь все вместе, перемешиваешь, выстраиваешь, пробуешь, потом меняешь местами... И, как правило, получается что-то оригинальное в смысле драматургии. Всегда есть возможность варьировать, играть с репертуаром, концепциями, когда даже в выстроенном порядке можно менять все с черного на белое, и наоборот. А потом ведь каждое произведение можно с ног на голову поставить, в зависимости от того, как ты чувствуешь, как себя ощущаешь в данный момент. В этом-то и есть вся прелесть пения: новизна все равно будет, хоть ты будешь петь в сотый раз.

Еще бывает интересно, когда долго не имеешь концертов. Поешь слишком много в опере, а потом набрасываешься на них с утроенной силой.

Как Вам удается совмещать спектакли и концерты?

- Удастся. Это ничуть несложно. Нужно планировать умело. Многие мои коллеги совмещают пение в опере и пение концертов, это не очень трудно. Хотя перестраиваться нужно и довольно значительно. Потому что опера - это одно, а пение камерной, камерно-симфонической музыки, романсов - это другое. Но принцип пения один и тот же, краски другие.

Что Вы можете сказать о Японии. Японский слушатель, какой он?

- Япония - это, конечно, загадочная страна для тех людей, которые досконально эту страну не знают, но даже специалисты нередко находят ее совершенно мистической. Таковой кажется она и мне. А что касается здешней публики, то перед любым слушателем надо быть искренним, предельно сконцентрированным на музыке, и немного закрывать глаза то, как он воспринимает. Потому что воспринимают все одинаково, только не все выплескивают энергию, эмоции, как это делают европейские народы. Японцы более закрытые, мне так кажется. Хотя такого количества поклонников, как среди них у меня нигде нет. Японцы везде меня преследуют, по всему миру.

Они фанатичны?

- Да, совершенно фанатичны, но не агрессивны, хотя немного сумасшедшие.

Куда Вы отправитесь после Японии?

- Потом я поеду через Москву в Казахстан. А потом из Казахстана через Москву в Тайбей. А потом я поеду в Европу, потом домой на несколько дней. Потом из дома в Питер, а из Питера в Кемерово, Кузбасс, у меня там серия концертов перед шахтерами...

Традиционный вопрос: Ваши творческие планы? Ожидается ли подписание новых контрактов? Продолжится ли проект "Дмитрий Хворостовский энд фрэндз"?

- Проект очень интересный. Но это как получится, много зависит от того, кто согласится приехать, и как на это посмотрят спонсоры. Потом, как совпадут наши графики. Но очень хочу привезти Рене Папе - это немецкий бас. Он хороший мой друг, но очень занятый человек. Тем не менее, мы уже практически договорились о приезде.

Мне, конечно же, хотелось бы расширить этот проект географически, чтобы выступления были не только в Москве и Санкт-Петербурге, а в Самаре, Екатеринбурге, Новосибирске, может быть в Красноярске. Потом можно поехать по Волге. Там тоже есть хорошие точки. В Казани недавно прекрасный театр отреставрировали. В конце концов можно выступать не в театрах, а на площадях. Еще даже лучше.

Совсем недавно пел в Самаре. Там потрясающий губернатор. Мы с ним уже договорились о моем возвращении с совершенно уникальной программой церковной музыки. Я знаю, что ортодоксальная церковь очень консервативна и не допускает даже мысли о светском исполнении церковной музыки не в службе, а просто в концерте. Но я взял на себя смелость разговаривать с официальными и духовными лицами о проведении подобных концертов. Буду дальше вести переговоры и с другими городами. Я "верстаю" себе тур по России. И как это ни парадоксально, в России это гораздо труднее сделать, чем, допустим в Америке или где-то еще.

Что еще... в США у нас планируется программа с хором Попова, которая будет представлена и в России.

Я хотел бы продолжать гастрольные поездки, привозить в Россию настоящих звезд, которые бы удивляли по-настоящему и простых людей, и музыкальную общественность. Хочу показать всем то лучшее, что я вижу каждый день. Это вещь уникальная, нужно делиться.

Поступали ли Вам предложения выступить в поп-жанре? Допускаете ли Вы возможность участия в таких проектах?

- Да, меня уже несколько раз приглашали на "Тэффи". Но что-то никак не получается. Звонят - приезжай завтра, или через две недели. Невозможно - график. Я не особо стремлюсь к таким вещам, но если хорошие люди зовут, то почему нет. В принципе, с попсовой стороной я как-то с некоторых пор стал не то, чтобы общаться, просто так получается, что появляются новые контакты. Вот в Майами с Игорем Крутым познакомились. Оказалось, что он удивительно интересный и глубокий человек. Так что, я не исключаю возможности, что запишу одну или даже ряд песен, была бы стоящая музыка.

А Вас приглашают сниматься в кино?

- В кино приглашают, но я не хочу. Я снялся в киноопере, но надо все-таки заниматься своим делом. Я ведь не актер. Тут нужен специфический дар, не драматический, а кинематографический. Тот фильм, который вышел с моим участием, я не могу смотреть без содрогания. Не нравится мне он. Мой сын Максим, ему три года, просит по три, по четыре раза в день "ставить ему папу". И я вынужден все это видеть. Не хочу.

У меня такое впечатление, что оперное искусство в России переживает не лучшие времена. Что Вы думаете по этому поводу?

- Я не знаю, просто не в курсе. В оперном театре в России бываю очень редко. Я не должен отвечать на этот вопрос. Я знаю, что Гергиев делает, это очень хорошо. Но это еще не говорит о всей России. Хотя, на рубеж выходят очень много хороших певцов, но здесь это было всегда. Россия - музыкально-певческая страна, которая продолжает давать определенное количество вала, кто-то из него задерживается, а кто-то нет. Это жизнь.

Как Вы считаете, Вы уже достигли высшей точки карьеры или Вы на пути ее достижения?

- Мне хотелось бы думать, что еще нет, хотя я отдаю себе отчет, что, в принципе, вошел в "прайм-тайм" своей карьеры, в ее пик. И мне хотелось бы, задержаться на нем еще лет двадцать. Потом, у меня уникальная профессия. Видишь мир, встречаешься с людьми и, самое главное, есть возможность самовыразиться, а что может быть лучше. Я думаю о миллионах, если не миллиардах людей, которые не имеют такой возможности, такой отдушины. Это как мой Бог. В Бога я не верю, а верю в музыку. Это для меня все.

У Вас есть талант, всемирная известность, достаток, семейное благополучие - то о чем мечтают миллионы людей. А у Вас есть мечта?

- Естественно. У каждого человека должна быть мечта.

Это тайна?

- Ну конечно, что я буду об этом говорить...